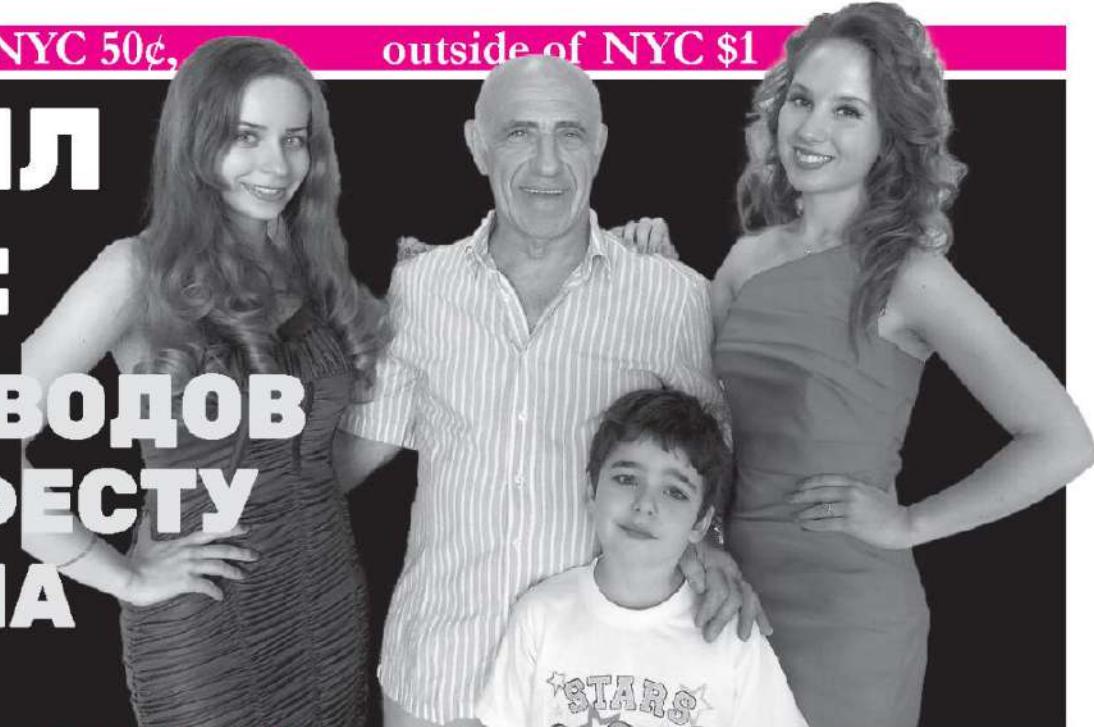

Price in NYC 50¢,

outside of NYC \$1

МИХАИЛ ЗАГОТ: ОТ ПЕРЕВОДОВ К МАНИФЕСТУ ШАНСОНА

стр. 8-9

Бульварные новости

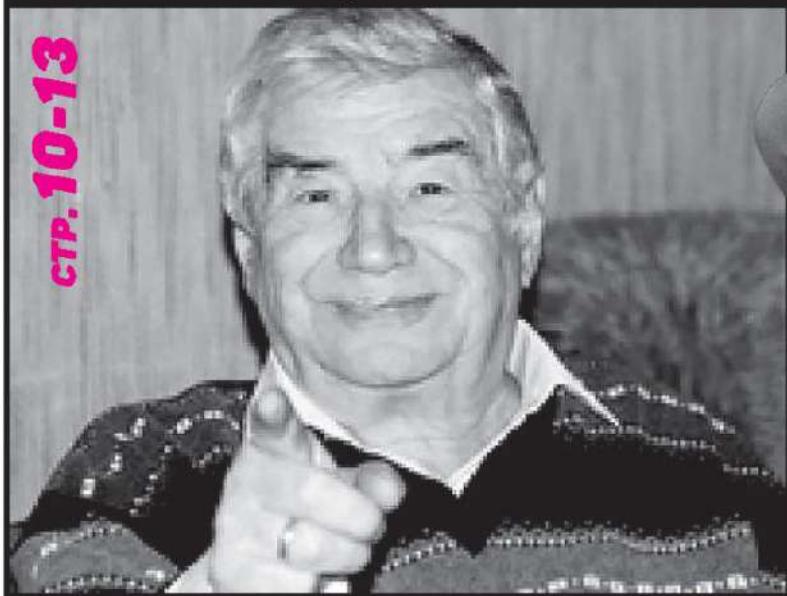
СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№18 (18)
ОКТЯБРЬ 2020

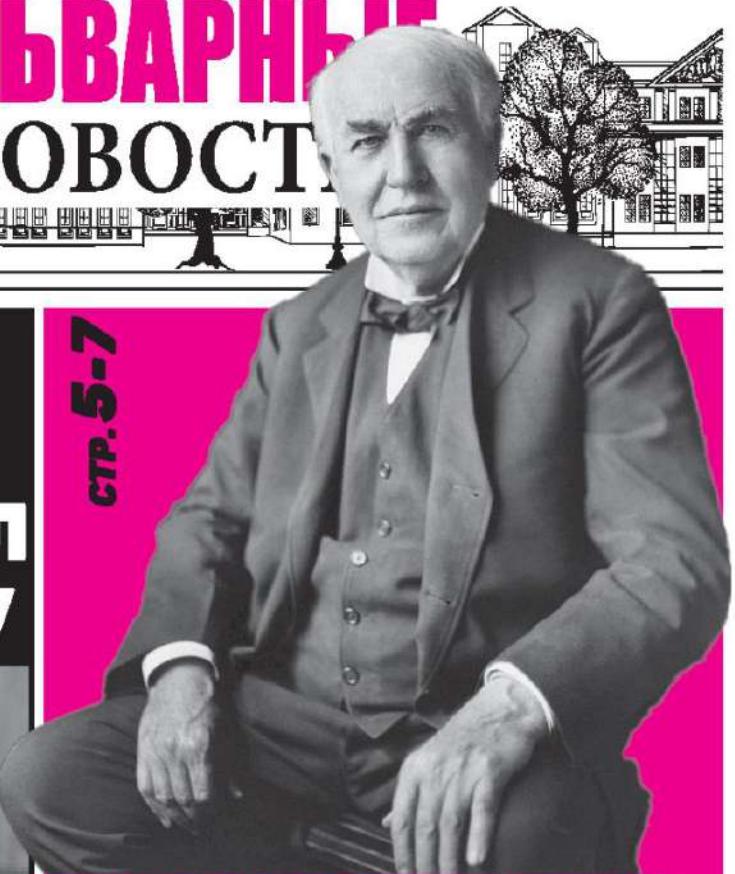

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР, КОТОРЫЙ ПРИДУМАЛ ЛЕТАЮЩЕГО МИШКУ

стр. 10-13

стр. 5-7

ТОМАС АЛЬВА ЭДИСОН: ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

МИХАИЛ ЗАГОТ: ОТ ПЕРЕВОДОВ К МАНИФЕСТУ ШАНСОНА

Беседовал Геннадий Норд

У Михаила Загота одна из редких специальностей. Он — профессиональный переводчик, в совершенстве владеющий английским языком. занимается и художественным переводом, и синхронным. А еще он член Союза писателей Северной Америки, поэт, музыкант, исполнитель, лауреат многих международных конкурсов.

— Ты сочинил «Гимн переводчика» и там есть такие строки:

*Быть или не быть, известно всем,
сказал бедняга Гамлет.
А может, он имеет о виду: быть,
или, не быть?
А переводчик виноват,
в него бросают камни
Песколько дом его построено из стекла.*

Когда ты говоришь о стекле, то имеешь в виду кабину синхрониста, или же стеклянный дом — это метафора на специфику работы переводчика?

— Стеклянный дом, разумеется, метафора, потому что переводчик все время на виду и, в случае чего, из него легко сделать крайнего, как-то его использовать в своих целях. В моей практике был случай, когда иностранец, которого мне пришлось переводить последовательно для солидной аудитории, решил меня поправить, хотя перевод был точен, а потом извинился передо мной, сказав: «Я просто хотел показать аудитории, что номного понимаю по-русски».

То есть он просто показал, какой он молодец, мимоходом бросив камень в переводчика. Это при том, что никакой ошибки переводчик не допустил.

Но ведь переводчик тоже человек и вполне может ошибиться. И всегда найдется кто-то, кто его осудит, обвинит в непрофессионализме. Надо понимать, что такое возможно, и вырабатывать у себя на подобное отношение иммунитет.

— К кому переводу ты больше себя относишь: к художественным письменным переводчикам (натоем смету переводы Курта Воннегута, Джона Стейнбека, Уилки Коллинза и других)

или к технарям-синхронистам (ты переводил для VISA, Высшей школы экономики и многих подобных срезовых заведений)?

— Говорят, что устный и письменный переводчик — это два разных профессии. Я не склонен с этим согласиться, но что это два разных человеческих типажа, считаю бесспорным. Одному нужна сцена, другому гораздо комфортнее в тиши кабинета. Мне нравятся оба этих занятия. Я всегда с удовольствием переводил художественную литературу, продолжаю и теперь, когда книга захватывает, и от процесса перевода получаешь удовольствие.

А синхрон даёт необходимый заряд бодрости, результат виден сразу же, и, как поется в упомянутой песне, «потому в крови кипят адrenalin».

Стык синхронного и художественного перевода — это перевод кино, и именно синхронный перевод кино мне всегда был особенно близок.

— Говорят, что можно с высокой долей вероятности определить будущих синхронистов в толпе абитуриентов. Есть ли у тебя свои «приметы художественного переводчика?

— Определить будущего синхрониста я могу довольно быстро, для этого достаточно поговорить с человеком несколько минут и определить его энергетику, если при этом он — языковой тип, шансы стать синхронным переводчиком у него есть. Что касается художественного переводчика и перспектив стать таковым, я, прежде всего, выясняю, занимался ли желающий переводить книги хотя бы чем-то, похожим на создание самостоятельного текста — писал статьи в стенгазете, сочинял стихи, вел дневник или

Два Михаила — Загот и Шафутинский

блог и так далее. Если нет, вероятность того, что у человека в сознательном возрасте вдруг проснётся жажда писать, не очень велика. А если человек, что называется, дружит со словом, тогда шансы стать художественным переводчиком есть, любовь к слову, к письму — это и есть приметы хорошего переводчика художественной литературы.

— Чувствуешь ли ты разницу в качестве перевода (синхронного и письменного), выполненного переводчиками старшего поколения и их более молодыми коллегами? Есть ли мнение в профессиональной среде, что «раньше переводили лучше»?

— Я думаю, что «раньше переводили лучше» вполне применимо к переводу художественной литературы. Я застал времена, когда переводчики художественной литературы, а тем более издательские редакторы, были почти небожителями, это занятие было престижным, и попасть в эту святая святых уддавалось далеко не каждому. Но художественный перевод заметно оскучел и обесценился в прямом и переносном смысле слова. Сейчас им занимаются кто ни попадя, а поскольку редакторы почти упразднены, продукту на выходе оказывается качественным далеко не всегда. Знание русского языка в целом снижается, что и оказывается на конечном результате: в художественном тексте теряется художественность.

А вот про синхронный перевод я бы этого не сказал: молодежь в синхроне энергичная, толковая и знающая, ребята по плечу самые сложные переводческие задачи, такие как работа на чемпионате мира по футболу, Олимпийских играх, на экономических форумах и прочих подобных мероприятиях.

— Что ты посоветуешь человеку, который хочет сделать перевод ху-

дожественной литературы своим основным заработком? С чего начать?

— Я в свое время просто начал переводить разные англоязычные рассказы, причем, громких имён не стеснялся, среди моих первых переводов есть Курт Воннегут, Скотт Фицджеральд и Сомерсет Моэм. Свои опусы я усердно разносил по периодике: «Неделя», «Литературная Россия», «Вокруг света» и тому подобное. Сейчас полно гламурных журналов, которые хотели бы напечатать что-то свеженькое, но нужно разрешение автора или его агента. Его можно получить, но это дополнительная морока. Но в целом на вопрос «с чего начать» отвечаю — просто начинай переводить и посмотрите, что получится.

— В СССР можно было спокойно жить, переводя пару книг в год. А сейчас перевод оплачивается очень скромно. В чем проблема?

— Да, в советское время перевод художественной прозы, да и поэзии, ценился, на это можно было жить. Сейчас — увы. Если вам позарез охота переводить художественную литературу, найдите либо спонсора, либо иной источник дохода. Кстати, на Западе гонорары за художественный перевод хоть и выше, чем в России, для комфортной жизни их все равно не достаточно. Там у многих переводчиков книг есть основная работа, а переводят в свое удовольствие. Это относится и ко мне — я перевожу только те книги, которые мне нравятся, не отказываюсь от художественного перевода, потому что это занятие люблю, но у меня есть другой источник дохода — синхрон.

А проблема с низкой оплатой объясняется достаточно просто: чем меньше издатель заплатит переводчику, тем больше оставит себе. Многие переводчики на эти ставки соглашаются, потому что не умеют делать ничего другого и пото-

С коллегами — переводчиком-синхронистом Андреем Остроухом и филологом, и переводчиком Дмитрием Петровым

Геннадий Норд и Михаил Загот

муж что художественный перевод — это творческое занятие, оно им нравится. А кто-то даже на этом пытается заработать, не понимая, что спешка здесь просто вредна. Получается, что при социализме художественному переводу жилось лучше. Соответственно, и переводчикам художественной литературы.

Я бы здесь повторил расхожую фразу: «пиши, только если не можешь не писать». В нашем случае: переводы художественной литературы, только если не можешь не переводить. Если это занятие — мечта всей твоей жизни, а процесс доставляет неописуемое удовольствие — тогда вперед, отбросив все сомнения!

— Ты однажды сказал, что переводчик должен уметь подать свой перевод. Что ты подразумевал под «подачей», и как это нужно делать?

— Видимо, речь шла о синхронном переводе. Перевод должен звучать убедительно и достойно — это и есть подача.

Это как в песне: есть курок, подача, песня зазвучит и понравится слушателям. Даже если ты все переворишь точно, но звуки вяло и неубедительно, хорошего результата не будет. Надо переводить так, чтобы слушать тебя было приятно, голос должен звучать ровно и спокойно, у слушателя не должно возникнуть и капли сомнения в том, что ты борешься с какими-то трудностями.

И еще, может быть, самое главное — речь должна быть связной. Все, что ты произносишь, должно быть понятно, одно предложение должно вытекать из другого, слушатель должен понимать тебя так, как если бы он слушал презентацию на свой язык, а не через перевод.

— Я знаю, что ты переводил на русский книгу американца Антона Шуфутинского, сына мастера российского шансона Михаила Шуфутинского. Как эта книга попала в поле твоего зрения?

— Очень просто. Мне позвонил знакомый журналист, пишущий о шансоне, и спросил, не возьмусь ли я за перевод книги по просьбе одного известного человека, который хочет отдать книгу в перевод опытному профессиональному и мастеру своего дела. Этим человеком оказался Михаил Шуфутинский, он очень хотел поддержать сына Антона и помочь ему издать его книгу на русском языке. Я прочитал книгу и согласился. Это фантазии, приключения двадцатилетнего подростка в дореволюционной России, что-то вроде «Алисы в стране чудес» или «Хроники Нарнии». В русской версии называется «Лёня Бродский и невообразимое». Раньше фантастику я переводил, но не фэнтези для юной аудитории, и взялся за эту работу с интересом.

— А теперь о песнях, права ли, что Михаил Шуфутинский исполняет одну из твоих песен?

С сыном Евгением

— Когда мы познакомились поближе, я показал ему свои песни, и одну из них — «Французский шансон» — он попросил взять в свой репертуар. Сам я пою ее на своих концертах почти всегда, это своего рода манифест шансона, мой взгляд на то, что представляет собой этот жанр. В моей редакции песня философская, задумчивая, что ли. У Михаила же она получилась динамичной, энергичной, что-то вроде самбы, мне его версия нравится. Он предпочел назвать ее просто «Шансон». В 2016 году открывал ей «Шансон» гала в Кремле. Песня долго была на первой позиции в чарте радио «Шансон». Она и сейчас в репертуаре Михаила.

— С чего начинался твой шансон?

— Тексты песен я начал писать достаточно давно, более двадцати лет назад, мы сочиняли вместе с моим сыном, тогда совсем юным, а ныне хорошо известном в мире мюзикла композитором Евгением Заготом. Мы выпустили с ним два альбома.

А мой собственный шансон начался с песни «Не закрывай глаза», которую я написал в соавторстве с Евгением Звездным. Она есть в моем первом альбоме «Урюпинск — Москва». Песня была написана для другого человека, но поднагоревшие в шансоне люди сказали мне: «Никому ничего не отдавай, а пой сам, у тебя должно неплохо получиться».

Я обратился к профессиональному музыкантам и аранжировщикам, показал им

так всё и поехал. Сейчас у меня на выходе уже восьмой авторский альбом.

— Творчество кого из шансонье повлияло на твой жизненный выбор?

— Едва ли на меня повлияли кто-то конкретно. Хотя есть люди, к чьему творчеству я отношусь с уважением. Это Владимир Высоцкий и Александр Розенбаум. Близки мне по духу Юлий Ким, Тимур Шаов, дует «Иаси» — Алексей Иванченко и Георгий Васильев. Эти люди относятся к юмором к себе и окружающей действительности, стараются видеть в ней смешное, но и светлые стороны. Такой подход свойственен и мне.

— Ты пришел в шансон, имея другую специальность. Ты высочайший профессионал в литературе, переводчик. Однако в итоге переключился на музыку. Не жалеешь?

— Жалеть мне особенно не о чем. В своей основной профессии я состоялся, не бросил ее и сейчас. Я продолжаю переводить и преподавать перевод. Музыка же интересовала меня всегда, интерес к ней впитывал с детства, потому что моя мама была музыкантом. Я стараюсь, чтобы все, что я делаю в музыке, выглядело профессионально и именно поэтому не выхожу на сцену с гитарой — есть люди играющие наимного лучше меня. Поко с удовольствием на сцене, «живую». Под минусовую фонограмму, а фонограммы мне делают большие мастера своего дела, «чудесные музыканты Азад Геккяев и Максим Яковлев,

Елена Кокорина, Михаил Загот, Юлия Дрожакова и Михаил Загот-младший

с которым мы записали почти все мои альбомы.

— Вот и расскажи о своих музыкальных достижениях.

— Я в шансоне ужо почти 15 лет. За это время вышло семь авторских альбомов: «Урюпинск-Москва», «Переводчи», «Ленин в Польше», «Золотая осень», «Жизнь приматов», «Рояль в кустах», «Избранный народ». Свой жанр я определил, как веселый и лирический шансон. Половина моих песен, если не больше — веселые и шуточные, аудитория всегда принимает их с энтузиазмом. В шансоне я нашел второе я. Получается, что параллельно действует надвух фронтах, иду по жизни двумя дорогами: перевод и музыка. Число написанных песен перевалило за сотню, я регулярно выступаю с концертами на разных площадках.

— Кроме песен, у тебя есть еще и мюзиклы...

— Верно, просто я решил попробовать себя в более широком, что ли, формате, но только тут я в музыку вообще не вмешивался. Написать музыку для своей песни я могу, а для мюзикла — просто не хватает образования. Я пишу либретто, этот процесс мне близок и понятен. А мюзиклы вот какие: «Дориан Грей» (музыку написал мой добрый друг, рижанин Борис Леви), «Путешествие по басням Крылова» (композитор — мой давний соавтор Александр Ермолов), «Человек в футляре» (музыку написал опытный театральный композитор Роман Львович), «Бешеные деньги» (музыку вот-вот будет готова), есть еще пара задумок, но об этом говорить пока рано.

— Ты ведь пишешь песни для детей тоже?

— Да, это благодаря уже упомянутому Александру Ермолову, он детский композитор, и мы с ним, помимо мюзикла «Путешествие по басням Крылова» написали много песен для детей. Самая успешная из них — песня «Прядедушка», она звучала даже на параде на Красной площади. В YouTube огромное количество разных исполнений этой песни, а число просмотров приближается к двум миллионам. Есть у меня и другие соавторы детских песен — Ирина и Наталья Нужнины, у нас с ними вышел альбом, там песен двадцать, дети их поют, это всегда очень приятно.

— Я знаю, что большим успехом пользуется и твоя песня «Еврейская солонка», она тоже набрала много просмотров в YouTube.

— После очередной поездки в Израиль меня увлекла еврейская тема, в итоге появился альбом «Избранный народ». Он веселый, шуточный, я его определил, как «я-я еврейский шансон». Там тридцать композиций, это целая концепция программы, с которой я последние годы выступаю по еврейским общинам России, да и не только. Там забавные сюжеты из истории еврейского народа: «Вечный жид», «Биробиджан», «Когда придет Мессия», «Купи козу и таджаде, все это получилось живо и весело, как и положено посыпм о евреях».

— Продолжаешь ли писать песни сейчас?

— На выходе у меня новый альбом, тоже по-своему оригинальный: он целиком посвящен разным замечательным людям. Судьбы великих людей показаны через призму шансона. Мне он кажется интересным, там целая палитра удивительных персон от царя Давида и Соломона до великих ученых, Эйнштейна, Ландшафтного, писателя Скотта Фицджеральда и Ильфа и Петрова, поэта Сергея Есенина, и актера Чарли Чаплина. Там набралось уже пятнадцать композиций, каждого надо показать оригинально и по-особому, чтобы не было однообразия, тут мне очень помогают мои изобретательные аранжировщики.

— Творческая жизнь не предсказуема. Кто всегда рядом, что бы ни происходило?

— Рядом жена Маша и сын, Михаил-младший, семья старшего сына Евгения, двое внуков, Настя и Никита. Конечно, всегда рядом музыка и стихи. В одной из моих ранних песен «Мелодия», на музыку Александра Ермолова, есть такая строчка: «С музыкой мы хорошая пара, лучше я, вряд ли, найду».

Пожалуй, я готов подписаться под этими словами и сейчас.